

На школьной аллее в сумерках людей стало заметно больше, многие студенты то и дело поглядывали в их сторону.

Цзян Се почувствовал, как по спине пробежал необъяснимый холодок, и в то же мгновение на его плечо бесшумно легла чья-то рука.

Это прикосновение было до боли знакомым — словно в тот вечер в клубе, в том оскорбительном коридоре; неприятное ощущение от того, как чей-то язык яростно ворошил конфету у него во рту, до сих пор жило где-то в памяти.

Он, не думая, перехватил руку, рванул корпус в сторону, ловко и без лишних движений перебросил нападавшего через плечо.

— Тьфу...

Се Цюбай грохнулся на землю, волосы растрепались, одной рукой он придерживал плечо, с трудом выдавив улыбку:

— Оригинальный способ здороваться у однокурсника Цзяна.

— Простите, моя вина.

Цзян Се застыл, протягивая руку; в его серо-голубых глазах мелькнула тень растерянности.

Се Цюбай, не ломаясь, тихо усмехнулся, ухватился за протянутую ладонь и, пользуясь рывком, поднялся на ноги.

Когда руки разомкнулись, Цзян Се показалось — или это была лишь иллюзия? — что тёплый палец на мгновение скользнул по ложбинке у запястья.

— Ты...

— Что такое? — Се Цюбай держался невозмутимо, уголки губ мягко приподнялись, голос звучал ласково: — Однокурсник Цзян такой сильный, до боли мне сделал.

Затем он медленно закатал рукав, обнажив тёмно-фиолетовый кровоподтёк на запястье.

Внимание Цзян Се благополучно переключилось, и он не заметил двусмысленности этого разговора.

— Извините, пойдёмте в медицинский кабинет.

Он взял Се Цюбая за запястье, опустив глаза, разглядывал след, который на первый взгляд казался довольно жутким.

В тот миг, когда Цзян Се опустил голову, Се Цюбай медленно стёр с лица улыбку; его карие глаза сделались холодными и пустыми, взгляд упёрся в чёрную прямоугольную оправу очков юноши.

— Хм. Ещё чуть позже — и синяк сам бы прошёл.

Му Вэй, стоявший рядом в наушниках и с игровой приставкой в руках, сжал в усмешке свои свирепые брови:

— Подумаешь, царапина. И всё равно ноешь перед младшим учеником.

Се Цюбай: ...

Цзян Се: Разве?

Когда они покинули тёплый свет клуба и вышли на улицу, свирепость в чертах Му Вэя стала ещё заметнее, а в сочетании с рыжими волосами он выглядел особенно опасно.

— Чё вылупились? Я не прав, что ли?

Бросив эту фразу, Му Вэй нахмурился, снова надел наушники, всем видом показывая, что не настроен на разговор.

— У него характер такой от природы — вспыльчивый и злой. Ты не обращай внимания.

Се Цюбай вовремя вставил слово, черты его лица смягчились, он старался выглядеть дружелюбно.

Потом он сделал паузу и, страдальчески нахмурившись, добавил:

— Вот только меня, председателя, многие видели, как меня через плечо перекинули. Как же однокурсник Цзян будет меня за это отблагодарствовать?

Цзян Се на мгновение задумался и по привычке слегка склонил голову набок:

— Тогда я как-нибудь приглашу тебя поесть?

— Договорились. Тогда давай обменяемся контактами. Право, однокурсник Цзян так роскошеливается...

Му Вэй, не вынося этого притворства Се Цюбая, хмыкнул и перебил:

— Тогда и не жри.

...

Когда те двое ушли.

Му Вэй лениво приподнял веки:

— Чего с мужиками-то контактами меняться?

— Забавно.

Се Цюбай, опустив глаза, тихо усмехнулся и отправил приветственный стикер.

Страница собеседника была пуста — аватарка с чёрной кошкой, в Моментях — только репосты из публичного аккаунта школы. Сплошная скука.

— Псих, — хмуро констатировал Му Вэй.

Се Цюбай убрал телефон, и уголки его губ тронула улыбка:

— Помнишь того мужчину по связям с общественностью? Завтра вечером идём?

—

Вернувшись к двери общежития, Цзян Се тяжело выдохнул.

Слишком много неожиданностей.

Зайдя внутрь, он столкнулся взглядом с Пэй Миньсином, который вытирал волосы, выходя из ванной.

Тот был одет в длинную серую пижаму, пуговицы застёгнуты до самого верха, в уголках глаз прятался едва заметный красноватый оттенок, от него веяло холодом отчуждения.

— Вернулся.

Пэй Миньсин первым кивнул, здороваясь.

Цзян Се на мгновение замер от неожиданности, скользнул взглядом по ванной, откуда не шёл пар:

— Извини за то, что случилось днём.

— Это я должен благодарить тебя за то, что остановил ту девушку.

После этого короткого обмена любезностями темы для разговора иссякли, и вскоре каждый молча вернулся на своё место.

...

В последнее время все были заняты семестровыми работами. Ци Хо, этот великовозрастный барчук, даже не играл в игры, а как и все обычные студенты, старательно долбил по клавишам.

— Цзян Се, я больше не могу! Этой работе не будет конца, да? — Ци Хо от злости взлохматил волосы так, что они стали похожи на птичье гнездо, глаза у него пересохли и заболели. — Я готов заплатить, только сделай хоть что-нибудь за меня.

Пэй Миньсин оторвался от книги:

— А кто тебе велел оставлять всё на последний день? Твоя мать просила передать, чтобы ты в университете был посерьёзнее.

— Я с тобой разговариваю? — Ци Хо больше всего бесили люди, не чувствующие контекста, и он с полным брюхом злости огрызнулся.

Повернувшись, он тут же состроил жалобную мину:

— Ну пожалуйста, Се, ты же не дашь мне завалить экзамен?

Цзян Се опустил глаза на часы, уголок его губ слегка приподнялся в усмешке:

— Тебе правда стоит избавляться от привычки всё откладывать на потом. За то время, что ты тут канючишь, мог бы уже ещё строчку написать.

Ему и двадцати нет, а уже как мамочка...

Ци Хо только осмелился подумать это про себя, глубоко вздохнул, загоняя раздражение внутрь, и послушно забарабанил по клавишам с новой силой.

От долгого сидения перед экраном его подташнивало, голова раскалывалась так, словно там

пилили нерв, в глазах мутило, и накатывала такая дикая злость, что хотелось разнести всё вокруг.

Вдруг.

Его виска коснулись прохладные пальцы — лёгкое прикосновение, как ветерок, как гладкий, скользкий снежок. Тревога в душе чудесным образом улеглась.

— Ладно, это в последний раз.

Цзян Се стоял у него за спиной, опустив глаза, и вздыхал.

Ци Хо невольно расслабился и медленно откинулся на чужую грудь, прислушиваясь к ровному, уверенному биению сердца у самого уха.

— От тебя снова пахнет женскими духами.

Юноша потёрся щекой, его чёрные волосы, казалось, зашевелились, словно звериные уши; он выглядел беззащитным, как волк, сложивший оружие, прижимающийся к хозяину:

— Я так устал... Погладь меня.

— ...

Цзян Се запустил пальцы в чёрную шевелюру — на фоне тёмных волос его рука казалась ещё бледнее, тоньше и сильнее, — а затем резко сжал и отдёрнул её, оттаскивая парня от себя, с отвращением:

— Устал — сделай гимнастику для глаз.

— Эй, эй, подожди! — Ци Хо дёрнулся, но вместе с болью пришло ни с чем не сравнимое чувство — то ли приятное, то ли нет.

— Цзян Се! Ты посмел вырвать у меня волосы?!

— У того, кто посмел сделать такое в прошлый раз, могила уже заросла травой по колено.

— Ты кого-то убил? — изумился Цзян Се.

Ци Хо подавился словами:

— ...Ну ты и тугодум. Страшные слова — не понимаешь?

Когда буря улеглась, едва уловимая рябь в душе исчезла без следа.

Цзян Се поколдовал над чем-то и поставил видео перед Ци Хо.

Из телефона раздался звонкий женский голос:

— [Добро пожаловать к правильному показу упражнений гимнастики для глаз для школьников среднего и младшего возраста...]

— Занимайся сам, по видео.

Ци Хо, окончательно сломленный, молча взял телефон и отошёл в сторону.

Ну как можно быть таким... бесчувственным чурбаном?

...

В комнате Ци Хо всё ещё заканчивал свою работу.

Цзян Се стоял на балконе один, сжимая телефон в руке; его тёмные волосы развевались на ветру, а взгляд рассеянно блуждал по ярким огням далёких высоток.

Из трубки доносился голос женщины, которая всё говорила и говорила:

— Се... У сестрёнки здоровье нормально, твой отец эти дни тоже безвылазно дома. Только вот... только вот...

— Говори, мам, — Цзян Се нахмурился, в его голосе звучала успокаивающая сила. — Я здесь.

— Деньгами, что ты в прошлый раз прислал, мы с долгами почти рассчитались. А тут отец, чтобы собрать деньги на лечение сестрёнки, сгоряча... сгоряча все деньги отдал мошенникам...

В трубке слышались прерывистые всхлипывания.

Цзян Се стоял, опустив ресницы, молча слушал, пока она плакала. В нём не было ни злости, ни упрёков — только спокойствие, и он начал её успокаивать.

Спустя полчаса женщина наконец хриплым голосом сказала:

— Сюэсюэ хочет с тобой поговорить.

Цзян Се смягчился лицом и тихо ответил.

Девочка, кажется, долго бежала с телефоном, потом, запыхавшись, закрыла дверь:

— Братик, прости меня... Это всё из-за моей болезни, денег, которые ты заработал, больше нет...

— Сяо Сюээр, ты забыла, что я тебе говорил?

— Помню! Братик — самый лучший человек в мире, он всё умеет!

Ночной ветер трепал волосы юноши, разметая их в разные стороны. Цзян Се тихо, глухо рассмеялся и произнёс по слогам:

— Мм. Братик — самый лучший.

<http://bllate.org/book/20993/2133605>